

ДИНАМИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЙ СОВЕТСКОЙ КОЛОНИИ В СЕВЕРНОЙ МАНЬЧЖУРИИ (1932–1933 гг.)

А. В. Филинов
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

После оккупации Японией Маньчжурии в сентябре 1931 г., а затем создания в марте 1932 г. на территории Северо-Восточного Китая марионеточного государства Маньчжоу-Го, взаимоотношения между СССР и Японией вступили в новый этап. Важным элементом этого нового курса были длительные переговоры и последовавшая за ними в марте 1935 г. продажа СССР Японии Китайской Восточной железной дороги. Все происходившие события не могли не сказываться на положении и политических настроениях советской колонии в Северной Маньчжурии, особенно, рабочих и служащих КВЖД, рядовых членов и руководящего состава ВКП(б).

В существующей историографии о внешней и внутренней политике СССР на Дальнем Востоке в 1930-е гг. важное место занимают работы В. Э. Молодякова о советско-японских отношениях¹, труды Н. Е. Абловой² и М. В. Кротовой³ о проблемах, связанных непосредственно с политикой Советского Союза, Японии и Маньчжоу-го в отношении КВЖД; публикации о советской политике на Дальнем Востоке, российской диаспоре вообще и советской колонии в Север-

ной Маньчжурии в частности — Н. И. Дубининой⁴, Е. Е. Аурилене⁵. С. Ю. Яхимович в своей недавно опубликованной кандидатской диссертации⁶ попытался обобщить все имеющиеся точки зрения на различные вопросы существования и функционирования советской колонии в Северной Маньчжурии.

Целью исследования является рассмотрение динамики изменения взглядов населения советской колонии в ходе одного из наиболее трудных периодов советско-японских отношений (1932–1933 гг.), обострившихся в первую очередь, в связи с началом переговоров между СССР и Маньчжоу-го (фактически и Японией) о продаже КВЖД. Кроме того, предстоявшие руководству советского Дальнего Востока (Дальневосточному краевому комитету ВКП(б)) и Северо-Маньчжурской парторганизации мероприятия по возвращению советских граждан на родину, являлись дополнительным фактором, резко осложнявшим социально-политическое положение среди граждан Советского Союза, проживавших в полосе отчуждения КВЖД. Эти мероприятия также несомненно нуждаются в более обстоятельном анализе и изучении.

Актуальность исследования заключается в использовании неопубликованных архивных материалов: докладов, обзоров и резолюций ЦК ВКП (б), Дальневосточного краевого комитета (Далькрайкома ВКП(б)), Северо-Маньчжурской парторганизации, имеющих немалое значение для изучения процесса переговоров о КВЖД в контексте ответной реакции жителей советской колонии в Северной Маньчжурии (в первую очередь служащих КВЖД) на мероприятия, предпринимаемые руководством Советского Союза в области внешней и внутренней политики на Дальнем Востоке.

Исходя из содержания используемых источников, представляется возможным выделить следующие основные моменты, относящиеся к положению и политическим настроениям советской колонии в Маньчжурии. Эти вопросы, судя по всему, получили наибольшее освеще-

¹ Молодяков В. Э. Почему Сталин продал КВЖД: механизм решения. // Япония. ежегодник. 2009, № 38; *он же* — Россия и Япония: рельсы гудят. Железнодорожный узел российско-японских отношений (1891–1945). М., 2006.

² Аблова Н. Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М., 2005.

³ Кротова М. В. Советско-китайское управление на КВЖД в 1924–1935 гг. // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2011, № 4 (32); *она же* — Советское присутствие на КВЖД в 1924–1935 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2013, № 1.

⁴ Дубинина Н. И. Дальний Восток Яна Гамарника. Хабаровск, 2011.

⁵ Аурилене Е. Е. Российская диаспора в Китае: Маньчжурия. Северный Китай. Шанхай (1920 — 50-е гг.). Хабаровск, 2003; *её же* — Аурилене Е. Е., Потапова И. В. Русские в Маньчжоу-Ди-Го: Эмигрантское правительство. Хабаровск, 2004.

⁶ Яхимович С. Ю. Колония советских граждан в Северной Маньчжурии: социально-политический аспект (1924–1935 гг.). Хабаровск, 2012.

ние в имеющихся материалах партийных комитетов и организаций разного уровня.

Общая обстановка в Северной Маньчжурии в 1932–1933 гг., с точки зрения руководства Далькрайкома ВКП (б), отличалась полным захватом и освоением Северной Маньчжурии японцами, который, в свою очередь, «<...> сопровождался усилением японской агрессии не только по отношению к местному коренному населению, но также и, ещё в большей степени, к гражданам СССР, особенно в организованной их части...»⁷ (т. е. к членам ВКП (б), ВЛКСМ и профсоюзным работникам). Параллельно с экономическим освоением Северной Маньчжурии шло и укрепление японского влияния во всей политической жизни, «<...> путём насаждения японцев в правительственные учреждения руководителями основных участков политической жизни, или советниками, где прямо японцев сажать по каким-либо причинам было не удобно...»⁸.

Политические настроения среди рядовых членов и актива, согласно докладам Северо-Маньчжурской парторганизации характеризовались эпитетами, несшими в себе конкретный идеологический смысл «<...> в составе парторганизации до сих пор ещё остаются недостаточно проверенные, колеблющиеся чуждые элементы, нередко перебрасывающие «мосты» к белогвардейской эмиграции, а также глубоко пассивные примиренцы, оппортунисты и примазавшиеся шкурники...»⁹, а вполне возможно, и определённые последствия или «оргвыводы» для тех, к кому они относились. Несмотря на всё это, буквально тут же следовало успокаивающее высокое начальство отступление, где оговаривалось, что «<...> политическое лицо организации всё же определяют не они <...> Массы партийцев, профсоюзников и комсомольцев содержат в себе значительное число людей, преданных делу революции и годных в деле соц. стройки /соц. строительства / в тоже время технически квалифицированных...»¹⁰.

⁷ Доклад зав. базой ДКК ВКП(б) В. Хохлова Л. М. Кагановичу о работе парторганизации в Северной Маньчжурии от 12 июля 1933 г. // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 120. Д. 84. Л. 80–80 (об).

⁸ Там же. Л. 81.

⁹ «Доклад-обзор общего состояния парторганизации и намеченных перспектив для очередной работы». Подписано: секретарь Северо-Маньчжурского комитета ВКП(б) «Никита». Без даты. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 84. Л. 90.

¹⁰ Там же.

Контакты СССР и Японии в Северной Маньчжурии (в особенности, переговоры о продаже КВЖД), как это ярко видно из документов, оказывали значительное влияние на предпринимаемые руководством Северо-Маньчжурской парторганизации попытки, так или иначе, управлять поведением и реакцией населения советской колонии (в первую очередь, служащих дороги): «<...> Вопрос о продаже КВЖД был остро и решительно поставлен в момент наибольшего развёртывания антисоветской клеветы и открытых призывов к войне с СССР под предлогом возвращения «угнанного имущества дороги». В острый момент вся бело-японская свора в СМ совершенно растерялась, особенно в связи с тем, что японское правительство приняло предложение Сов. Правительства о продаже...»¹¹.

Вопрос проверки «благонадёжности» жителей советской колонии перед возвращением на родину становился ключевым не только для советских партийных органов на местах, но и для лидеров СССР в целом «<...> а/ Все эвакуируемые должны безусловно размещаться только на внутренних железных дорогах СССР. Запретить оставление на работе на Дальнем Востоке, в Восточной и Западной Сибири и на Урале. б/ Все эвакуируемые размещаются на работу после проверки их тройкой в составе т.т. Благоднарова, Зимина и Кишкина...»¹². Можно лишь предполагать, было ли это распоряжение ЦК непосредственным поводом дальнейших действий Далькрайкома, но проблема фильтрации «возвращенцев» из Харбина взволновала теперь уже непосредственное руководство Дальнего Востока «<...> Прибывающих на Дальний Восток из Северной Маньчжурии ввиду близости границы и участвовавших случаев обратных побегов, как правило, в пределах ДВК не оставлять, а отсылать в Сибирь или дальше...»¹³.

Среди действий советских граждан, достаточно ярко отражавших динамику политических настроений колонии, и характеризующихся как «враждебные» политике СССР, чаще всего фиксировались, и, вполне очевидно, особенно интересовали партийные органы:

¹¹ Там же. Л. 93.

¹² Проект постановления ЦК ВКП (б) о Северо-Маньчжурской партийной организации. Особая папка. Без даты. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 84. Л. 102.

¹³ Постановление «Тройки» ДКК ВКП (б) от 3 августа 1933 г. Подлинник подписали Л. И. Лаврентьев, Т. Д. Дерibas. Заверил: Зав. базой ДКК ВКП (б). В. Хохлов. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 84. Л. 111.

– выход из подданства «<...> По сведениям Консульства, за последнюю пару месяцев, когда уже поставлен вопрос о продаже КВЖД, полицейское управление послало запрос о 100 сов. граждан, возбуждивших ходатайства о выходе из сов. подданства. Но в самом полицейском управлении как сообщает Консульство, имеется до 2000 таких заявлений...»¹⁴, ставший, как можно заметить, отнюдь не таким уж редким явлением именно после начала переговоров о продаже КВЖД;

– шпионаж «<...> г) Японцы постараются перебросить на нашу территорию в числе эвакуированных советских граждан своих шпионов <...> г) Не медля организуйте работу к недопущению проникновения японских шпионов на случай эвакуации. Установите такой порядок, чтобы все эвакуируемые обязательно проверялись через ОГПУ...»¹⁵, по понятным причинам волновавший советских руководителей отнюдь не меньше вероятных побегов.

¹⁴ Доклад «Состояние и настроение в Сов. колонии в Сев. Маньчжурии». Подписано: секретарь Северо-Маньчжурского комитета ВКП(б) «Никита». Без даты. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 84. Л. 101.

¹⁵ Проект письма секретаря ЦК ВКП (б) Л. М. Кагановича. «Хабаровск, Далькрайком ВКП (б). Тройке по руководству Северо-Маньчжурской партийной организацией. Тов. Лаврентьеву и Дерибасу». Без даты. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 84. Л. 103–104.

СОВЕТСКИЕ ВЫБОРЫ 1960–1970-х гг. КАК ДИАЛОГ МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ И ОБЩЕСТВОМ¹

А. А. Фокин, к.и.н.
(ЧелГУ)

Вопрос о характеристике политической системы является одним из принципиальных для понимания истории СССР. Пытаясь разобратся в механизмах принятия решений в кремлевских кабинетах, первое поколение исследователей, сопоставив СССР с нацистской Германией, разработало концепцию тоталитаризма. Советский Союз в их работах предстал сверхцентрализованным обществом, которое полностью находилось под контролем партийной и государственной верхушки. Решения принимались узкой группой лиц и спускались вниз для исполнения. В дальнейшем произошла ревизия этой точки зрения, и сформировался новый подход к истории СССР, где основным объектом изучения стала не власть, а население. Теперь советская система предстала крайне неэффективной, вынужденной тратить огромные ресурсы на поддержание собственной стабильности.

И та и другая концепция мало внимания уделяли институтам публичной власти в СССР, при том, что Советский Союз провозглашал себя как государство подлинной демократии и всячески старался это продемонстрировать. Традиционно наличие выборов или выступление партийных и государственных деятелей трактуется как фарс, призванный обмануть основную массу граждан. На наш взгляд, следует говорить о существовании особого символического поля пересечения интересов власти и населения. То есть «верхи» и «низы» не находились в состоянии противостояния или односторонней коммуникации, а действовали вместе, взаимодействуя в качестве партнеров.

В 1920-е г. российский пролетариат был политически «экспроприрован» (в терминологии М. Вебера) складывающейся номенклатурой, которая присвоила себе право говорить от лица рабочих, тем

¹ Исследование выполнено при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых (проект МК–1509.2014.6)